

На правах рукописи

НОВИКОВА Александра Павловна

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТЫ СУИЦИДАЛЬНОЙ ТЕМАТИКИ:
СИСТЕМА РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ
И
ПАРАМЕТРЫ ЯЗЫКОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Красноярск 2009

Работа выполнена на кафедре русского языка
ФГОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»

- Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент
Осетрова Елена Валерьевна
- Официальные оппоненты – доктор филологических наук, профессор
Аннушкин Владимир Иванович
(Институт русского языка им. А.С. Пушкина)
кандидат филологических наук, доцент
Михайлова Татьяна Витальевна
(Сибирский государственный
аэрокосмиче-ский университет им. акад.
М.Ф. Решетнева)

Ведущая организация – ГОУ ВПО «Забайкальский государственный
гуманитарно-педагогический университет им.
Н.Г. Чернышевского»

Защита состоится 24 марта 2009 г. в 10.00 часов на заседании
диссертационного совета ДМ 212.099.12 по защите диссертаций на соискание
ученой степени доктора филологических наук при ФГОУ ВПО «Сибирский
федеральный университет» по адресу: 660049, г. Красноярск, ул. Ленина, 70,
ауд. 204.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Сибирского
федерального университета.

Автореферат разослан « » февраля 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

И.В. Башкова

Общая характеристика работы

В диссертационной работе исследовано жанровое устройство русскоязычных интернет-текстов суицидальной тематики и выявлены параметры их языкового воздействия на адресата – пользователя Интернета.

Объектом данного диссертационного исследования являются русскоязычные интернет-тексты (кибертексты, текстовые файлы) суицидальной тематики. В качестве его **предмета** определены речевые жанры, в рамках которых воплощается данная тема.

Актуальность данного исследования связана со сложной, общественно обусловленной природой изучаемого объекта, которую определяют его содержательное основание – с одной стороны – и репрезентативное – с другой. В содержательном плане объект является порождением и отражением социального феномена суицида, его же форма относит соответствующие тексты к элементам интернет-среды – одному из новых явлений современной коммуникации, влияние которого на общество трудно переоценить.

Под суицидом (самоубийством) следует понимать всякий случай смерти, который непосредственно или опосредованно является результатом поступка, совершённого самим пострадавшим, если последний знал об ожидавших его последствиях.

Современные официальные данные свидетельствуют о росте количества самоубийств, что заставляет осмысливать данный феномен не просто как проблему, но как масштабное социальное явление. Г.Ш. Чхартишвили в своей работе «Писатель и самоубийство» (2000) публикует тот факт, что ежегодно себя убивают около 60 000 россиян, а число тех, кто пытается это сделать, в 7-8 раз выше.

К настоящему времени накоплен большой опыт в осмыслении выделенной проблемы, которая нашла отражение в научных исследованиях и анализируется с позиций многих гуманитарных наук – социологии, психологии, культурологии, этики и литературоведения. Основные работы – «Самоубийство» Э. Дюркгейма, «Печаль и меланхолия», «Мы и смерть» З. Фрейда, «О самоубийстве» Н. Бердяева, «Эстетика самоубийства» Л. Трегубова и Ю. Вагина, «Танатология» С. Рязанцева, «Самоубийство как культурный институт» И. Паперно, «Писатель и самоубийство» Г. Чхартишвили, «Психология суицидального поведения» И. Погодина, сборники статей «Актуальные проблемы суицидологии» и «Плюс-минус жизнь».

Социальная значимость данной темы в целом подтверждена тем, что многие периодические издания посвящают ей свои публикации, а вот провокация суицида посредством Интернета пока лишь оформляется в качестве объекта пристального общественного внимания. Отмечено лишь несколько случаев её освещения с этих позиций в телевизионных новостях и

кинематографе; имеются в виду документальные фильмы: «Виртуальная агрессия» (Санкт-Петербург, 2003), «Не дайте мне умереть» (Красноярск, 2006), «Девочки-самоубийцы» (Москва, 2007).

Суицид и Интернет – два, казалось бы, разнородных явления: первое принадлежит психологии поведения человека, второе – сфере новых информационных технологий. Суицид несравнимо древнее Интернета, однако две эти реалии образовали некое единство в конце XX века: именно компьютерный текст стал своего рода средством идеализации, а порой и материализации суицида; см. подтверждение в ряде публикаций: «Чат помог осуществить суицид» [Электронный ресурс] // www.rits-carlton.ru; «Интернет помогает самоубийцам» [Электронный ресурс] // <http://www.medportal.ru/mednovosti/news/2004/12/06/inet/>.

Существенный объём информации, представленный посредством Интернета, носит текстовый характер, что позволяет подойти к его анализу базируясь на лингвистической традиции.

Прежде всего здесь важно обозначить научные идеи, легшие в основу наблюдений за семантикой высказывания и текста.

Известно, что содержание высказывания складывается из объективного и субъективного начал, которые Ш. Балли назвал соответственно «диктум» и «модус». Под диктумом понимается номинативный аспект предложения (Н.Д. Арутюнова), событийная основа высказывания, пропозитивная его часть (Т.В. Шмелёва), под модусом – зона смысла, которая выражает отношение говорящего к пропозиции (Е.Н. Ширяев).

Как показало исследование, среди всех модусных смыслов одним из самых сильных в рамках выбранного объекта оказывается оценочный смысл. Наши детальные представления об этой семантической категории опираются на труд Е.М. Вольф «Функциональная семантика оценки», освещающий вопросы, связанные с семантикой и структурой оценки, и на книгу Н.Д. Арутюновой «Типы языковых значений», которая рассматривает её как содержательную категорию, наиболее ярко представляющую прагматическое значение, то есть приобретённое высказыванием в ситуации речи.

Однако главную методологическую и понятийную основу диссертационного исследования составили работы, посвящённые современной лингвистике жанров и коммуникативной лингвистике.

В качестве ключевого здесь используется понятие «речевой жанр», предложенное в 1920-е гг. основоположником речезанровой лингвистики М.М. Бахтиным. По убеждению учёного, речевая воля говорящего осуществляется прежде всего в выборе речевого жанра, основным признаком которого – коммуникативная цель, или иллокуция.

При анализе жанрового оформления суицидальной темы в пространстве Интернета мы опирались на многочисленные работы современных отечественных лингвистов – Г.И. Богина, В.Е. Гольдина, В.В.

Дементьева, Л.А. Капанадзе, Я.Т. Рытниковой, К.Ф. Седова, Т.В. Тарасенко, М.Ю. Федосюка, Б.Я. Шарифуллина, Т.В. Шмелёвой, Ю.В. Щуриной, – написанные в последние десятилетия.

Для подробного изучения жанровых репрезентаций в данном случае использована предложенная Т.В. Шмелёвой анкета, включающая семь основополагающих признаков: коммуникативную цель, образы автора и адресата, диктумное содержание, составляющую формы, факторы прошлого и будущего. За базовое взято именно такое представление об устройстве типичного речевого высказывания, которое функционирует в определённой ситуации общения. При этом особое внимание в работе уделено первым пяти из перечисленных параметров. Составить чёткое представление о коммуникативном прошлом и будущем было бы чрезвычайно трудно в связи со спецификой выбранного для наблюдения объекта и материала, поэтому анализ этих параметров не вошёл в список реализуемых автором задач.

Помимо термина «речевой жанр», в тексте данной работы используется термин «речевая стратегия», обозначающий комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели (О.С. Иссерс). Речевая стратегия в границах изученного материала часто имеет воздействующий характер. Под воздействием понимается влияние автора суицидального текста на эмоциональное состояние адресата и возможную провокацию последнего на деструктивный акт, в нашем случае – самоубийство.

Проблема психологического и отсюда языкового воздействия – одна из самых популярных для обсуждения проблем в современной гуманитарной среде. О воздействии и уже – о манипуляции – в общетеоретическом и сугубо практическом плане написано достаточно много; из последних работ это «Лингвистическая экспертиза текста» А.Н. Баранова (2007) и «Речевое манипулирование» Г.А. Копниной (2007), а также социологические исследования С.Г. Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием» (2000) и В.П. Пугачёва «Управление свободой» (2005). Однако с учётом специфики сформулированной темы особо выделенными в этом ряду оказались лингвистические работы, посвящённые воздействию на адресата посредством именно интернет-текстов. Их авторы – О.В. Дедова, Л.Ю. Иванов, О.А. Левоненко, О.А. Лекманов, Е.И. Литневская, В.А. Михайлов и мн. др. – обсуждают данный вопрос в связи с природой и организацией электронной коммуникации. Так, О.В. Дедова в своей статье «Изменение отношений “автор – читатель” в пространстве электронного гипертекста» (2005) сравнивает традиционный письменный носитель текста и модифицированную электронную фактуру с позиций говорящего и слушающего, отмечая факт поиска новых форм взаимодействия автора и его читателя, который находит свою реализацию в гипертексте, изначально ориентированном на потенциальную открытость композиционной структуры. Она же говорит об опасности, которая изначально заложена в принципах организации Интернета, где письменный текст обнаруживает безграничную

тематическую вседозволенность, доводя «свободу» автора в выборе темы обсуждения и средств для её выражения до возможного апогея.

С появлением этого нового коммуникативного пространства тема суицида получает возможность быть пропагандируемой, широко и массово публикуемой, располагаясь на сайтах в форме кибертекстов. Неограниченно растиражированная, она существенно увеличивает свой масштаб и опасность для современного общества.

Итак, **цель** данной работы – исследовать организацию языкового воздействия на адресата интернет-текстов суицидальной тематики. В качестве первоочередного стремления эта цель подразумевает изучение жанровой системы соответствующих текстов, а кроме того, выявление основных языковых параметров, с работой которых и связано упомянутое воздействие.

В соответствии с целью поставлены следующие **задачи**:

- 1) проанализировать различные лингвистические и экстралингвистические подходы к изучению интернет-коммуникации и на основе этого сформировать собственный научный взгляд на выделенный объект исследования;
- 2) представить общую организацию и расположение суицидальных текстов в Интернете;
- 3) дифференцировать тексты суицидальной тематики по жанровому признаку;
- 4) определить их коммуникативные параметры;
- 5) исследовать отношения между участниками коммуникации;
- 6) выявить и проанализировать параметры и средства языкового воздействия на адресата.

Для обнаружения и сбора **материала** исследования использованы поисковые системы – Rambler и Yandex, с помощью которых через ввод ключевого слова *суицид* и его эквивалента *самоубийство* найдены тексты, содержащие интересующую нас информацию. Общее количество собранных таким образом текстовых файлов равняется 800. В приведённых примерах сохрaнён «естественный словарь» коммуникантов.

Для решения поставленных задач в работе использованы **методы** интерпретации текстов, контекстуального анализа, сравнения и систематизации, пофакторного анализа речевого жанра, метод семантического анализа текста; для обобщения полученных результатов актуальным оказался лингвостатистический метод. Кроме того, поскольку поведение участников общения на суицидальную тему является достаточно сложной проблемой, контекст исследования с необходимостью составляют психологические, социальные и философские знания.

На защиту выносятся следующие **положения**.

1. Изучение русскоязычных интернет-текстов суицидальной тематики важно по причине опасного воздействующего характера подобных

текстов, направленных на массового адресата; это воздействие может иметь результатом отрицательную корректировку его эмоционального состояния и/или деструктивную реакцию в форме суицида; лингвистические исследования, посвящённые данному объекту, к настоящему времени не выявлены.

2. В Интернете подобная информация существует в двух формах: текст и не-текст (иллюстрации, материал в аудио- и видеоформате). Последний, усиливая традиционную текстовую составляющую, способствует визуализации образа. Тексты «виртуального суицида», в свою очередь, организуются двумя принципиальными способами – специфическим, когда они образуют целые сайты соответствующего содержания и неспецифическим, когда единичный текст внедрён в тот или иной интернет-формат, общее содержание которого не соотносится с суицидом. Специфическое пространство полностью посвящено указанной теме, неспецифическое – исполняет функцию её носителя ad hoc, но одновременно является для массового адресата наиболее опасным, поскольку в его границах под воздействие может попасть «случайный» пользователь, не готовый к получению деструктивной информации.

3. Воздействие интернет-текстов суицидальной тематики на адресата определено и осуществляется в двух направлениях: речевом (через систему речевых жанров) и языковом (по шести выделенным параметрам; имеются в виду обыденность ситуации, детализированность пропозиции, оценочность контекста, риторичность форм, императивность высказывания и диалогичность текста).

4. Речевые жанры, освещающие указанную тему, имеют сложное целеполагание, специфическую структуру, а в совокупности составляют определённую типологию.

5. Параметрами воздействия выступают семантические, формальные и коммуникативные элементы текстов суицидальной тематики, заключённые в рамки того или иного речевого жанра; они (параметры) имеют разное содержание и могут «работать» как автономно, так и комплексно.

6. Языковое воздействие на адресата может быть косвенным либо прямым. Первое осуществляется путём особенной подачи самого суицидального содержания и базируется на семантике текста, поддержанной разнообразными лексическими средствами авторской оценки. Второе предполагает использование коммуникативного потенциала текста через установление псевдиалога между коммуникантами, использование императива и риторических форм.

Научная новизна диссертационной работы заключается в самом объекте исследования, который впервые взят в фокус лингвистического внимания. Помимо этого, коммуникативная среда Интернета представлена с интегративной точки зрения, которая позволяет осмысливать её организацию

с привлечением данных целого ряда гуманитарных знаний по психологии, социологии, философии.

Теоретическая значимость работы определена комплексным научным подходом к объекту исследования, в результате чего получены данные, которые могут использоваться в различных областях знания (не только лингвистических), интересующихся языковой и социальной личностью. **Практическая же значимость** заключается, во-первых, в возможности использования материала диссертации для подготовки различных спецкурсов по психолингвистике, социолингвистике, коммуникативной лингвистике. Во-вторых, результаты исследования могут помочь распознать потенциального суицидента в том или ином авторе интернет-текстов на основе свойственных ему признаков речевого поведения (в дальнейшем вероятно оказание психологической и социальной помощи субъекту). В-третьих, выявленные параметры языкового воздействия на адресата могут быть применены за пределами киберпространства в качестве основы для анализа текстов иной тематики, в частности политической, где предполагается работа схожих интенций.

Апробация. Основные результаты и выводы работы были представлены на нескольких международных и всероссийских конференциях в Варне (Болгария), Москве, Ростове-на-Дону и Красноярске. Они оформлены в девять научных публикаций, представленных в периодических изданиях и сборниках материалов конференций.

Основные результаты исследования и наиболее значимые положения диссертации были представлены также в форме устных и стендовых докладов на международных научных конференциях: «Понимание в коммуникации» (Москва, 2007); «Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты» (Ростов-на-Дону, 2007); «Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика» (Красноярск, 2007); на XI Конгрессе Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы «Мир русского слова и русское слово в мире» (Варна, 2007); на научно-практической конференции «Роль социально-гуманитарных дисциплин в подготовке конкурентоспособных специалистов» (Красноярск, 2008); на заседании кафедры русского языка СФУ (2008).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, 3-х глав, заключения, списка литературы, включающего 175 наименований, и 2-х приложений: первое составили наиболее объёмные иллюстративные примеры, второе представляет собой словник номинаций двух главных объектов текстовой оценки: суицида и суицидента. Кроме того, в работу включены четыре схемы, три рисунка и одна таблица.

Основное содержание работы

Во **введении** обоснована актуальность выбранной темы исследования, описаны его объект и предмет, формулируются цель и задачи работы, охарактеризованы теоретическая и практическая значимость, а также степень научной новизны исследования, приводятся данные о материале, источниках и структуре диссертации.

В **первой главе «Экстралингвистическая и лингвистическая база исследования коммуникативной среды Интернета»** освещается современное состояние изучения Интернета в различных областях гуманитарного знания, прежде всего лингвистической; рассматриваются теоретические предпосылки исследования; представлена общая система размещения суицидальных текстов в электронном пространстве.

Современная гуманитарная наука определяет Интернет по-разному: как информационную технологию, психосоциальный феномен, сообщество, фольклор, универсальную базу данных. Отечественные лингвисты (К.Ф. Седов, Б.Я. Шарифуллин) видят в Интернете особый гипержанр – сверхсложное жанровое образование, или гипержанровое событие, под которым они понимают макрообразования, сопровождающие социально-коммуникативные ситуации и объединяющие в своем составе несколько жанров.

Для автора настоящего исследования наиважнейшим является понимание Интернета как новейшей информационно-коммуникативной среды, обладающей рядом специфических свойств, отличающих её от традиционного речевого пространства. Эти особенности включают субъективную оценку истинности предлагаемой в сообщениях информации, её многоуровневое структурирование посредством гипертекста и распределение в форме полилога, отражающего перекрещивание и параллельность коммуникативных линий; наличие особого словаря, содержащего, помимо словесных единиц, иконические средства выражения мысли (смайлики); специфический характер коммуникативных интенций в киберпространстве.

Обозначенная общая специфика Интернета определила интерес психологов и лингвистов к электронному пространству, которое в большинстве случаев оценивается исследователями как опасное.

Такое мнение базируется на изучении ряда конкретных характеристик электронной коммуникации; в их числе анонимность, физическая непредставленность коммуникантов, абсолютная свобода и открытость общения. Их совокупное функционирование порождает целый ряд негативных социальных, психологических и языковых явлений. Причём масштабы этих явлений и степень влияния на общество представляются вполне серьёзными, тогда как способы их корректировки находятся пока лишь на стадии осмысления. Прежде всего здесь имеется в виду феномен вербальной агрессии, описанный в статье Ф.О. Смирнова «Естественный

язык и компьютер: деструктивное влияние или очередной этап эволюции?» (2004).

Частным проявлением такой агрессии в Интернете, как выяснилось, является широкая представленность в нём суицидальных текстов и их особое оформление в **специфическом** и **неспецифическом пространстве**.

Специфическое пространство – это самостоятельный сайт, полностью посвящённый указанной теме. Суть такого способа контекстной организации состоит в тесной взаимосвязи структурного и содержательного аспектов: веб-сайт формируется рядом суицидальных текстов, разных по объёму, жанру, но объединённых тематически.

Суицидальная информация, организованная в специфическом пространстве, представлена в глобальной сети наименее развёрнуто (7 % от общего количества собранных примеров). 93 % текстов включены в пространство неспецифическое – локус более или менее «посторонний» для суицидальной темы, а поэтому особо не маркированный.

Суицидальная тема, размещённая в любом пространстве, оформляется в виде монолога (обычного текстового файла) либо диалога (гостевой книги, чата, форума). Монолог – это более или менее продуманный текст, отсюда усиленная целенаправленность его более очевидна, нежели в чате – форме интернет-диалога.

В связи с тем, что один из главных интересов работы состоит в исследовании системы языкового воздействия (коррелирующий, естественно, с качеством осмысленности), в фокусе внимания оказались именно монологические суицидальные тексты. Важно отметить, что при этом в них всё-таки эксплицитно присутствует установка на диалогичность. Она заявляет о себе в одной из характеристик, названной здесь «степенью открытости» текста для деятельностного участия в нём адресата. Определено, что по интенсивности её проявления интернет-тексты делятся на три группы:

1) «закрытые» – лишают адресата права на проявление ответной реакции;

2) «частично открытые» – предоставляют возможность реагировать на информацию в гостевой книге, чате или на форуме;

3) «открытые» – дают адресату возможность стать автором/соавтором текста, не исключая публикации просуицидных высказываний. В данном случае речь идёт об информационном приложении «WikiWiki». Это программное обеспечение позволяет легко создавать коллективный гипертекст, где практически отсутствует грань между деятельностью автора и его читателей по созданию общего информационного пространства. Его преимущество состоит в сочетании, с одной стороны, возможности быстрого внесения изменений в исходный текст всеми членами сообщества, с другой – в сохранении всех предшествующих копий, которые восстанавливаются в их хронологической последовательности.

Программа «WikiWiki» поддерживает в Рунете такой популярный интернет-ресурс, как «Википедия (Свободная энциклопедия)», где среди прочего содержатся страницы, посвящённые суициду. В этом случае полюс оценки данного приложения, безусловно, отрицательный, поскольку каждый пользователь глобальной сети в состоянии разместить любую, в том числе опасную, информацию.

В результате выявлено, что организация суицидальной информации в Интернете базируется на трёх содержательных основаниях: 1) её общие координаты зависят от расположения в специфическом либо в неспецифическом пространстве глобальной электронной сети; 2) конкретная форма обеспечивается рамками диалога либо монолога; 3) деятельностная свобода адресата в границах монолога (когда возможно корректировать уже опубликованный текст) измеряется степенью его открытости.

Вторая глава «Жанровая система интернет-текстов суицидальной тематики» посвящена классификации речевых жанров, в рамках которых оформлены соответствующие тексты; определена их интенциональная специфика; там же проанализированы наиболее существенные (в связи с поставленной целью) составляющие анкеты речевого жанра Т.В. Шмелёвой: коммуникативная цель, содержание, формальная организация, образы автора и адресата.

В ходе исследования выявлено, что многообразие текстов суицидальной тематики представлено тремя группами речевых жанров: информативными (новостное сообщение, научно-популярная статья, тест), информативно-оценочными (дневниковая запись, предсмертная записка) и информативно-императивными (инструкция, презентация).

Каждый из перечисленных типов имеет свою специфическую коммуникативную целеустановку, однако общей характерной для них чертой оказывается дополнительная воздействующая интенция, направленная на пользователя Интернета.

В свою очередь, в каждой группе выделяется жанр, наиболее интенсивно воздействующий на пользователя Интернета. Остановимся далее подробно на анализе теста, предсмертной записки и инструкции как наиболее характерных с этой точки зрения жанровых образованиях, несущих суицидальное содержание.

Общая коммуникативная цель **информативных** жанров заключается в сообщении пользователю некоей информации: в новостном сообщении публикуются факты и подробности суицида, статья рассказывает о природе и/или различных аспектах суицидального явления, тест актуализирует для пользователя сведения о нём самом, например определяет степень готовности к суициду. Последний из названных информативных жанров наиболее интересен с точки зрения структуры, которая служит весьма эффективным способом воздействия на адресата.

Под **тестом** в данной работе понимается задание-исследование в форме вопросов, по результатам выполнения которого можно судить о предрасположенности пользователя к самоубийству.

Исследование показало, что структура интернет-тестов традиционна: текст состоит из заглавия, обозначающего тему; вопросов, вариантов ответа на каждый вопрос и описания результатов; например:

Консультация: совершите ли Вы суицид в будущем

Выберите пожалуйста ответы:

Вы уже пытались покончить с жизнью? Да, нет

Вы думаете о смысле вашей жизни не реже 1 раза в 2 дня? Да, нет

Вы уже знаете как покончите с собой? Да, нет

У Вас нет ничего что радует в этой жизни? Да, нет

Нажав кнопку Консультироваться Вы получите диагноз, каким бы ужасным он не был.

Консультироваться

Результаты проверки на суицид

Извините если я открыл вам глаза...

Я не хотел...

Хотя нет...

Я хотел...

Я хотел открыть вам глаза...

Открыть на то, что может произойти с Вами...

Создатели подобных текстов формально приписывают им разный жанровый статус: *тест, анкета, опрос, консультация* – функция целеполагания при этом, однако, остаётся неизменной. Первые три обозначения нейтральны в отношении определения роли говорящего, последняя же номинация эксплицитно выражает желание автора подчеркнуть свою значимость, поскольку консультация – это совет, даваемый специалистом.

Усиливает воздействующий эффект теста содержание ролевого взаимодействия участников. Автор такого текста играет коммуникативную роль **эксперта** – человека, способного на основании ответов пользователя проанализировать личность последнего в контексте суицидальной проблемы. Нулевая авторизация и персуазивность подтверждают статус говорящего, который в данном случае является единственным авторитетным лицом, проводящим требуемое исследование.

Адресат теста выступает в качестве нуждающегося в суицидальной информации, одновременно являясь субъектом деструктивного действия в семантической структуре текста: *Вы хотите покончить с собой? Вы уже пытались покончить с жизнью? Хотелось ли Вам когда-либо покончить с собой? – Да, много раз. Я сам убью себя и т.д.*

Воздействующий эффект теста основывается на его формальной организации, которая заключается в системе вопросов-ответов, а значит, в постоянном условном контакте адресата с автором по совершенно

определённому поводу. Техника коммуникативного воздействия стоит здесь во включении реципиента в условный текстовый диалог. Но «итоговым» средством воздействия и самым сильнодействующим становится получение им результата тестирования, который может оформляться категорично и общо (*Мой диагноз: в будущем Вы совершите суицид*), категорично и конкретно (*Результат: порезать вены. Злость и ненависть в душе не дают жить..жажда крови всё сильнее ..пусть даже и своей*) либо комично (*Результат готов. Желаем получить инструкцию? Желаем, да. Тест содержит ошибку: результата для выбранных вариантов ответов не существует*).

В общем, суть формальной организации данного жанра основана на принципе 1) объективного анализа 2) тех субъективных ответов, которые даёт сам адресат-тестируемый. Отсюда возникает двойное доверие пользователя к тексту, базирующееся на таком объективно-субъективном основании. В данном случае эта высокая степень доверия адресата оборачивается против него же самого – с помощью вопросов и ответов автор «погружает» адресата в событийную сферу суицида, не давая отстранённо воспринимать информацию и делая адресата мысленным участником этого события.

Среди **информативно-оценочных** жанров в случае введения его в массовое публичное обращение наиболее опасным является жанр **предсмертной записки**. Она – последний текст в жизни автора – насыщена крайне откровенной информацией, необходимой ему для реализации сложного целеполагания:

1) констатировать самоубийство (то есть снять ответственность за собственный уход из жизни с других людей) – информативная интенция;

2) обозначить причины самоубийства, выразив в рамках этого своё отношение (положительную/отрицательную оценку) к миру (обществу), коллективу, отдельному человеку (себе или другому) – информативно-оценочная интенция;

3) выразить «последнюю волю» (поручение) адресату – императивная интенция.

Основной в тексте предсмертной записки выступает константная для данного жанра информативно-оценочная интенция. На основании вышесказанного коммуникативная роль говорящего реализуется по преимуществу как роль **критика-информатора**.

Формальная сторона указанного жанра представлена тремя подвижными компонентами, это обращение, основная часть и подпись автора.

Для автора предсмертной записки чрезвычайно важно наличие адресата, поскольку без него невозможна реализация коммуникативной цели суицидента. С точки зрения обозначения в тексте объекта, на который

собирается воздействовать автор, выделены определённо адресованные предсмертные записки и неопределённо адресованные.

К первому типу относятся тексты с прямым обращением к адресату. Характерной чертой второго типа является обобщённость образа реципиента. При таком оформлении текста получатель записки угадывается через контекст и «интимные» этикетные формулы; например из следующего примера видно, что текст обращен к близким людям: *Я знаю, что самоубийство – это самое гадкое, что может совершить человек. Это предательство по отношению к себе, к близким людям, к миру. За это я презираю себя, но все таки делаю это. Я не нашел иного выхода, кроме смерти. Простите. Прощайте.*

В ходе исследования замечено, что предсмертные записки с использованием апеллятива (определённо адресованные), как правило, менее агрессивны, чем тексты, адресованные неопределённо. Апеллируя к имплицитному адресату, автор позволяет себе агрессивные высказывания по отношению к подразумеваемой группе лиц или обществу в целом. В таких случаях записка может даже трансформироваться в императивный жанр угрозы.

Если адресат в тексте оказывается единичным и конкретно обозначенным, то прямому воздействию подвергается только он – если же автор его не обозначает либо обозначает широко, тогда происходит автоматическое расширение адресного поля текста, которое составляют неограниченное число пользователей Интернета, интересующихся суицидальной темой.

Содержанием предсмертной записки часто становится жизненный кризис в его крайнем критическом качестве, который может осмысливаться автором-суицидентом не только как частный, но и как глобальный, трагичный для многих, вплоть до всего человечества. В последнем случае очевидно «заражение» адресата деструктивными эмоциями.

Несмотря на прозрачную формальную структуру, предсмертная записка довольно сложна семантически, что демонстрирует её основная часть. Поскольку она – последний в жизни суицидента текст, автор может позволить себе предельную откровенность, превращая её в предельно исповедальную: в собранном материале есть, например, текст, в котором автор признается в убийстве своей матери.

Основное диктумное событие, представленное в предсмертной записке, – самоубийство, которое последует после завершения автором письменного текста. Однако оно более или менее эвфемистично в координатах ирреальной (*лучше мне не жить, я собрался умереть, я не могу жить*) и реальной (*меня нет, делаю это, ухожу, буду уходить, умру*) модальности. Лексема *умру* является в данном случае эвфемизмом, так как не отражает специфических обстоятельств ухода человека из жизни.

Воздействие предсмертной записки на пользователя развивается в эмоционально-оценочном направлении, осложняясь в ряде случаев императивностью. На состояние читателя существенно влияет само содержание текста, особенно та его часть, где описываются причины суицида.

Если адресат в тексте оказывается единичным и конкретно обозначенным, то прямому воздействию подвергается только он – если же автор его не обозначает либо обозначает широко, тогда происходит автоматическое расширение адресного поля текста, которое составляют неограниченное число пользователей Интернета, интересующихся суицидальной темой.

К информативно-императивным жанрам мы отнесли **презентацию и инструкцию**. Их коммуникативная цель заключается в информировании адресата и активном провоцировании (за счёт императива) его акциональной реакции.

Подробнее остановимся на жанре **инструкции**, поскольку он имеет самое жёсткое целеполагание не только в рамках информативно-императивной группы, но и среди всех выделенных в ходе исследования жанров суицидальной тематики.

Под инструкцией понимается свод указаний, правил, устанавливающих порядок и способ осуществления действий, которые приведут адресата к самоубийству. Таким образом, уже в самом определении заключена коммуникативная цель жанра – проинформировать адресата относительно способа и инструмента ухода из жизни, воздействуя на его выбор в этом отношении. Соответственно характеру интенции определена и коммуникативная роль говорящего – **инструктор**.

Жанр инструкции представлен в Интернете чаще как элемент антологии, структурными составляющими которой являются заглавие (*100 способов совершить самоубийство*), введение-презентация, собственно собрание инструкций (единственный обязательный компонент), библиография и чат для обратной связи. Такое комплексное существование чревато воздействующим эффектом, поскольку предполагает знакомство пользователя не с единичным текстом, а с несколькими десятками ему подобных, из которых адресат может выбрать для себя наиболее «подходящий».

Кажущаяся коммуникативная цель инструкции – изложить способ изготовления и использования суицидального средства. Однако наличие в тексте форм оценочности и императивных высказываний проявляет истинную интенцию говорящего – актуализировать информацию и «подтолкнуть» адресата реализовать инструкцию на практике.

Эта вторая цель оказывается «затушёванной», в ряде случаев имплицитно выраженной, но тем более опасной: структурный анализ жанра обнаруживает жёсткое устройство, включающее обязательные и

факультативные компоненты. Обязательные компоненты обозначаются самим автором инструкции: название, дозировка, время, доступность и надёжность; факультативные же элементы в тексте специально не выделены, но, по сути, представляют описание приготовления и применения состава, симптоматику после приёма, рекомендации автора, информационную и популярную справки; см. пример:

Закись азота (N₂O)

- *Дозировка: баллона на несколько литров жидкого газа достаточно*
- *Время: минуты*
- *Доступность: труднодоступен (см. в хирургических отделениях); можно сделать*

- *Надёжность: высокая*

Задохнуться веселящим газом. Душевно!

Изготовление: несколько килограммов аммиачной селитры раскалите самую большую сковородку, плотно закройте все щели в кухне и насыпьте селитру. Она разложится, произведя ударную дозу закиси азота и вы весело отъедете В-).

Ниже дан подробный анализ структуры жанра суицидальной инструкции.

Обязательные элементы. Название представляет собой номинацию основного компонента, входящего в состав рецепта. Конструктивно оно репрезентировано либо схемой N₁, возможно, расширенной за счёт квалитатива (*Никотин; Белый фосфор*), либо схемой N₁N₁, обозначающей препарат и способ его применения (*Инсулин – подкожная инъекция*).

В названиях ряда суицидальных инструкций часто используется «научная» перифраза, ориентированная на высокий интеллектуальный статус потенциального адресата: *LSD (Диэтиламид лизергиновой кислоты, галлюциноген)*.

Дозировка включает указание меры объема, веса и концентрации основного препарата. Она может быть представлена 4 содержательными вариантами: точная (*1 грамм*); приблизительная (*20..50ml*); дифференцированная (*5 ягод красавки для маленьких детей. Возможно, 30 для взрослого?*); «неизвестная».

Время описывает период действия препарата, приводящего к летальному исходу. Оно может трактоваться как «неизвестное» или обозначаться приблизительно. Однако сама эта приблизительность оказывается уточнённой через введение смысла периодичности: *от 2 до 10 минут*; либо смысла дифференцированности: *минуты (на пустой желудок) или часы (на полный желудок) для других цианидов*.

Доступность. Данная содержательная составляющая оценивает степень доступа к основному компоненту, входящему в состав рецепта. Как показали наблюдения, она может быть высокой (*очень легко достать или*

купить), низкой (*труднодоступны*), дифференцированной (*легкодоступен, если вы больны раком*).

Квалификация инструкции каждый раз представлена в разделе надёжность. При её описании работают две важнейшие модусные категории – персуазивность и оценочность. Уверенность автора в излагаемой информации обладает большой силой воздействия, что для пользователя сайта может оказаться весьма опасным.

Надёжность квалифицируется как высокая (*весьма надёжно*), низкая (*ненадёжно*) либо «неизвестная». И вновь автор использует здесь приём семантической дифференциации: *при сочетании с <...> тетурамом <...> надёжность гораздо выше.*

Очевидно, что каждый обязательный компонент инструкции достаточно чётко детализирован по ряду семантических оснований. Это свидетельствует о заинтересованности автора в эффективном практическом применении адресатом изложенной информации.

Обязательное содержание инструкции дополняется факультативными текстовыми элементами: симптоматикой, информационной и популярной справками.

Симптоматика; см. пример: *Через несколько часов начинается боль в животе, тошнота, рвота, кровавая диарея, тахикардия (ускоренное сердцебиение), зрительные эффекты. Позже редкий медленный нерегулярный пульс, падение артериального давления с последующей остановкой сердца.* О стремлении сделать текст как можно более доступным в данном случае говорит не только использование общеупотребительной и толкование научной лексики, но и подбор синонимов, которые являются избыточными: *редкий медленный нерегулярный пульс.*

В информационной справке для усиления достоверности текста говорящий, используя модусную категорию авторизации, апеллирует к авторитету либо прецеденту.

В разделе популярной справки автор расширяет кругозор адресата, публикуя информацию, не относящуюся непосредственно к суициду.

Воздействие жанра усиливается, если в структуру инструкции введены такие факультативные блоки, как приготовление и применение состава, а также рекомендации автора.

Предсказуемая композиция инструкции упрощает восприятие текста и даёт сведения о его создателе; он видится в образе авторитетного субъекта, заинтересованного в акциональной реакции адресата.

Концепция адресата, утверждаемая в соответствующих текстах, представляет его как человека осведомленного, хорошо образованного – готового к восприятию научной терминологии – и заинтересованного в специфической информации. Такая манипулятивная комплиментарность, имеющая в основе искусственно поднятый интеллектуальный статус

адресата, имеет определённый эффект. «Поймав» на комплимент реципиента, автор тем самым добивается доверия к себе, становится адресату «своим».

Обязательным структурным компонентом жанра является информация – сообщение состава средства. В случае, когда адресат на основании субъективно понятой необходимости или интереса психологически присваивает эту информацию, информативная цель трансформируется в императивную. При этом важно заметить, что экспликация последней в инструкции хотя и факультативна, однако весьма частотна и в совокупности с оценочностью усиливает авторитет автора и эффективность воздействия на реципиента. Говорящий как будто уверен, что адресат попробует, и даёт ему «дельный» совет, беспокоясь о возможных нежелательных эффектах, которые могут помешать реализации суицида; например: *Обязательно примените противорвотные*. Очевидно, это делается с манипулятивной целью вызвать акциональную реакцию адресата. Последним шагом предполагается выбор адресатом альтернативной инструкции из множества предложенных на веб-сайтах суицидальной тематики.

Итак, исследование выявило наличие воздействующей интенции во всех жанрах суицидальной тематики. Е.А. Земская и Е.Н. Ширяев в работе «Русская разговорная речь» (1981) писали о том, что для эффективного воздействия говорящему необходимо коммуникативно сблизиться с адресатом. В таком случае становится актуальной тактика **коммуникативного сближения**, развивающаяся в целом ряде случаев в стратегию коммуникативного «захвата», заданную желанием автора обеспечить правильное (нужное) восприятие адресатом его текстов. Эта тактика является одним из основных механизмов воздействия на адресата. Выявлены четыре уровня её реализации.

1. Структурный, где данная тактика базируется на а) строго определённой организации жанров, например в тесте и инструкции адресат как бы «захватывается» в рамки их жёсткой конструкции, осваивает все их составляющие и только отягощённый итоговым разрушающим знанием получает возможность из неё выйти; б) либо, напротив, на изменчивости и подвижности структуры текста, через замену традиционных информационных блоков; так, в жанре новостного сообщения автор часто опускает заглавие или подменяет его лидом суицидального содержания, тем самым «подталкивая» пользователя к неожиданному для него получению опасной информации.

2. Лексический уровень используется автором во всех обозначенных жанрах для апелляции к адресату и помогает, с одной стороны, комплиментарно повышать его интеллектуальный статус посредством профессиональной или научной лексики, а с другой стороны, создавать иллюзию непринуждённого общения с помощью разговорных и жаргонных слов. В результате создаётся эклектичный образ автора – с одной стороны, говорящего на понятном для молодёжной аудитории языке, с другой –

авторитетного эксперта, глубоко знающего проблему и научную терминологию.

3. Семантический уровень обеспечивает детальность аналитического описания самоубийства в жанрах новостного сообщения и научно-популярной статьи и интимизацию суицидальной темы в дневниковой записи.

4. На коммуникативном уровне во всех обозначенных жанрах специфически взаимодействуют автор и адресат. Говорящий создаёт собственный авторитетный образ «своего», которому позволительно давать советы и инструкции, обращаться к пользователю на *ты*, просвещать и наставлять, наконец, выставлять оценки человеку и человечеству.

«Заботясь» об адресате, говорящий пытается вызвать у него в качестве реакции любопытство, увлечение информацией, доверие к говорящему, радость от сопричастности к «тайне» суицида и т.п.

Коммуникативное сближение в исследованных жанрах, по сути, всегда оборачивается сильным эмоциональным воздействием. Осуществляя его, рефлексивно или нерефлексивно, автор влияет не только на эмоции адресата, но уже и на его мировоззрение, что может привести к необратимому деструктивному результату.

Если во второй главе настоящего диссертационного исследования воздействие изучалось на предмет его присутствия в жанровой «оболочке» суицидальных файлов, то в **третьей главе «Параметры языкового воздействия на адресата в интернет-текстах суицидальной тематики»** исследован собственно языковой аспект этого феномена.

Выявлено шесть параметров, функционирование которых в тексте может способствовать отрицательной корректировке эмоций адресата. Они обозначены следующим образом: **обыденность ситуации, детализированность пропозиции, оценочность контекста, риторичность форм, императивность высказывания и диалогичность текста**. Природа первого параметра связана с основополагающим – ситуативным – уровнем семантики высказывания, природа второго основана на его пропозитивном уровне, оценочность приводит анализ к обсуждению модуса, а обращение к риторическому аспекту – к языковой форме. Последние же два параметра очевидно коррелируют с коммуникативными характеристиками текста. В результате параметры языкового воздействия обнаруживаются на всех уровнях текстового устройства: ситуативном – пропозитивном – формальном (репрезентативном) – коммуникативном.

Кратко охарактеризуем каждый из них.

Выделение параметра **«обыденность ситуации»** основано на одном из традиционных представлений о трёхуровневом устройстве семантики высказывания, которое описывается цепочкой понятий «ситуация – пропозиция – репрезентация» и представлено в работах Т.П. Ломтева и

позднее – Т.В. Шмелёвой. В нашем случае на ситуативном уровне особым образом представлены два его главных элемента – событие (ситуация) и субъект суицида.

Под «обыденностью» понимается такая трактовка происшедшего, которая преподносит самоубийство как заурядное, повседневное событие и характеризуется отсутствием критики в адрес его главного участника; так, в следующем примере можно говорить о том, что статус и жизненные достижения самоубийцы представлены как положительные, иначе – соответствующие социальным канонам, и эта предваряющая общая положительная оценка образа распространяется затем на само событие суицида: *Молодые люди, которые, по одной из версий, входили в интернет-клуб самоубийц, покончили с жизнью <...> Про Олю ее знакомые говорят, что она была красавицей, росла в благополучной семье, в школе училась на отлично. А около двух лет назад влюбилась в некоего молодого человека, который отверг девушку. Примерно тогда Ольга и решила покончить с собой. В интернете познакомилась с молодыми людьми, чьи убеждения были ей близки. Долгое время переписывалась с ними, завязалась дружба.*

Детализированность пропозиции. Как и при активированности параметра «обыденность ситуации», линия эмоционального воздействия на адресата проходит здесь по диктумному полю текста. Но если в первом случае воздействия цинизм достигается за счёт представления трагичнейшего события в жизни человека и общества как тривиального, то в случае детализирования пропозиции он же (цинизм) базируется на снятии речевого и, как следствие, семантического запрета на публичное и подробное, иногда даже натуралистичное, представление ситуаций и событий, традиционно регулируемых этической нормой, а потому имеющих ограничения при публичном описании (рождение, болезнь, смерть и т.п.); например: *Сначала мы думали утопиться вместе, сковавшись с помощью наручников. Но вышел облом. В секс-шопе отказались продать наручники, мотивируя это тем, что нам нет 18, а документов у нас не было. Еще один плевок нам в лицо. И мы пошли кидаться с крыши (без наручников). Единственным местом с открытой крышей в доступной нам местности был старый семиэтажный дом. Мы вылезли на крышу, преодолев чердак, кишаций пауками и летучими мышами. Но... когда мы добрались до заветного места и посмотрели вниз, поняли, что семи этажей, да еще и с травкой у дома, явно маловато. Хрен тут умрешь, зато руки-ноги переломаешь <...> [мы] придумали новый способ суицида, который просто поразил нас самих своей жестокостью. Наше больное воображение нарисовало ужасающую картину пожирания комарами теплых человеческих тел. Мы должны были остаться на крыше, предоставив комарам возможность выпить всю нашу кровь до самого остатка. Обнажив свои тела, мы легли на холодную железную кровлю. Молодой месяц был*

единственным свидетелем наших адских мучений. В течение нескольких часов насекомые-кровососы впивались в нас своими жалами.

Как видно, описание включает множество пропозиций физического действия и движения – *утопиться, сковаться, кидаться (с крыши), вылезти, преодолеть, добраться, обнажить, лечь, выпить (кровь), впиваться (жалами)* и т.д. В полном тексте данного примера 20 пропозиций. Кроме того, они детализированы включением в описание большого числа локативов (*в секс-шоп, на крышу, с крыши, у дома, на железную кровлю*) и актантов (*наручники, комары, молодой месяц, жара*).

Оценочность контекста. Основное свойство оценки (оценочности) заключается в её способности вызывать эмоциональный резонанс у адресата, то есть воздействовать на него. Одни авторы говорят об оценочности как о модусной категории по преимуществу (Т.В. Шмелёва), другие рассматривают её как часть диктума (Е.М. Вольф, Н.Д. Арутюнова). И диктумная, и модусная оценки используются адресантами суицидальных текстов.

В интернет-текстах исследуемой тематики выявлены три типа оценивающего субъекта: «общее мнение», индивидуальный, групповой.

Субъект обязательно связан с объектом аксиологического осмысления. В ходе исследования выделены две группы типичных объектов, противопоставленных по оценочному знаку:

1) реальность (в аспектах прошлого, настоящего, будущего; жизнь вообще и в частности), которая в 63 % собранных примеров оценивается отрицательно;

2) суицид и суицидент, оцениваемые чаще положительно, так как отрицательное отношение к реальности предсказуемо влечёт за собой положительную оценку самоубийства как потенциального выхода из негативного настоящего: *Утро. Бритье и прочая каждодневная рутинная пое...ь. Что делать?.. Как вырваться из этого круга?* [оценка реальности со знаком «-»] .. *Только СМЕРТЬ откроет путь к свободе! Смерть в море, вдвоем, сковавшись кандалами* [оценка суицида со знаком «+»].

В 63 % выявленных случаев номинации суицида как события (действия, факта) он трактуется положительно: *освобождение, спокойствие, избавление, подвиг, полёт, путь к свободе, начало нового* и т.п., вплоть до усиления соответствующей оценки через использование лексики и образности «высокого» стиля: *деяние с гармонизирующей основой, Дар Творца, Встреча с Богом, метод познания, письмо к миру* и т.п.

Что касается оценки суицидента, и в этом случае лишь в 10 % примеров говорящий оценивает его отрицательно, называя *грешником, дураком, лицемером, неудачником, слабаком* или *ничтожеством*. Остальные 90 % составляет либо положительная оценка данного субъекта (*герой, воин,*

личность и т.д.), либо нейтральная констатация социального статуса самоубийцы (*профессор, актриса, ребёнок* и т.д.).

Риторичность форм. В реализации целеустановки на воздействие особую роль играют риторические средства: гипербола, гротеск, лексический повтор, градация, метафора, метонимия, олицетворение, парцелляция, риторический и делиберативный вопросы.

Остановимся отдельно на таком риторическом средстве, как лексический повтор. Это один из самых распространённых приёмов воздействия, поскольку, по мнению Г. Лебона, часто повторяемая идея врезается в самые глубокие области бессознательного, где именно и вырабатываются двигатели наших поступков. Яркий пример этого представляет следующий фрагмент, где местоимение *ты* употреблено 15 раз, причём трижды в одном предложении (выделено полужирным шрифтом); там же отмечены другие риторические средства изобразительности: *Иногда тебе становится непонятно – как в мире могут существовать радость, счастье, покой* [градация]. *Как вообще люди вокруг способны чувствовать это, и продолжать жить. Просто жить* [повтор и парцелляция], *не задумываясь над завтрашним днем. И это так странно, и еще глубже загоняет тебя в яму. Ты думаешь, что ты не такой как они, ты – просто изгой. И тебе не место на этой земле, в этом мире. Это – не для тебя. И ты точно знаешь, что больше никогда-никогда тебе не будет хорошо. Твоя душа высохла и опустела* [метафора]. *Тебе не зачем больше жить. Тебе хочется умереть и больше никогда-никогда не рождаться. Ни в этом мире, и ни в каком другом* [парцелляция]. *Ни-ког-да* [интонированное слово]. *Отчаянье. Боль. Безысходность* [повтор назывных предложений]. *Эти гости навечно поселились в твоей душе. Где холодно и уныло* [метафора и парцелляция]. *Если бы жизнь имела какой то смысл <...> именно поэтому я хочу понять тебя и поговорить с тобой. Почему я до сих пор не сделал это?* [делиберативный вопрос].

Императивность высказывания. Иллокутивная сила императива находится в области прямого воздействия на адресата, именно поэтому функционирование данной категории, наряду с оценочностью, одно из самых интенсивных в исследуемых текстах и проявляется в рамках всех речевых жанров суицидальной тематики.

В ходе исследования выявлены следующие элементарные императивные жанры: «неисполнительские» (совет, просьба, наставление, указание, требование) и «исполнительские» жанры угрозы и проклятия.

Значение волеизъявления в высказываниях суицидальной тематики создают следующие морфологические формы: 1) глагольные формы повелительного наклонения; 2) глагольные формы инфинитива; 3) модальная частица *путь* (*пускай*).

Коммуникативный аспект императива предсказуемо связан с адресатом текста, которому предписывается выполнение какого-либо действия. В ходе исследования выявлены три его типа.

1) Определённый адресат. В его роли выступает некое лицо, известное говорящему, в том случае, если текст появился в глобальной сети благодаря действиям посредника при передаче информации – «коллекционера» предсмертных записок. Пользователю Интернета такой текст может быть не вполне понятен; см. пример: *Веруня, ты на меня зла не держи, что так все получилось. Я там оставил для Алены деньги на книжке, оформил на предъявителя <...> Прости меня за все. Семен.*

2) Автоадресат; например: *Я всегда злюсь. Нет радости – ни для кого. 67. Ты становишься жадным. Веди себя как положено старику. Расслабься – это будет не больно.*

3) Неопределённый адресат (групповой или массовый); например: *Мне стыдно принадлежать к твоему роду, человечество <...> За что тебя "гладить по голове" если ты от каждой неприятности режешь вены? Встань, человек, плюнь на оковы, которыми сам себя и связал. Шагни. Почувствуй желание жить.*

Особенностью адресатной направленности императива в Интернете является то, что всякий раз он воспринимается тем субъектом, который в данный момент знакомится с текстом.

Диалогичность текста. Для осуществления эффективной коммуникации в монологичных текстах говорящему необходимо избежать монополизации коммуникативной инициативы и хотя бы условно создать эффект интерактивности. Последняя реализуется благодаря использованию категории диалогичности, под которой понимается эксплицирование в тексте признаков собственно диалога, в частности наличие вопроса, который следует рассматривать с коммуникативной и содержательной сторон.

Коммуникативный аспект вопроса выходит на первый план, если его типология ориентирована на такой необходимый элемент любого диалога, как адресат. В ходе исследования выявлено, что по данному признаку вопросы на суицидальную тему подразделяются на **делиберативный** (адресован самому себе) и **риторический** (обращён к конкретному собеседнику или не имеет эксплицитного адресата).

Адресная ориентированность вопросов задана предпочтением автора и проявляется в выборе номинации реципиента. При этом часто наблюдается сокращение коммуникативной дистанции между адресантом и адресатом до степени интимной сопричастности (И.Е. Ким) – от *вы* к *мы*-инклюзивному (Н.Н. Соколовская). В отобранном материале обнаружено 4 типа адресатов вопроса: «чужая» аудитория, «своя» аудитория, «личная» аудитория, собственно автор.

Коммуникативная составляющая вопроса связана с его содержательным аспектом. По характеру информации, на запрос которой указывает вопрос, выделены *ли*-вопросы и *что*-вопросы.

Как правило, авторы текстовых файлов суицидальной тематики предпочитают риторические *ли*-вопросы (*Суицид... Это ли решение всех проблем?*), которые указывают на позицию участников коммуникации, констатирует некий факт, содержащийся в тексте или в пресуппозиции.

Кроме *ли*-вопросов, автор формулирует вопросы, более сложные для ответа. Для их построения используются различные вопросительные слова, указывающие на характер запрашиваемой информации. Так, *что*-вопросы требуют восполнить смысловую лауну или дополнить уже имеющуюся информацию, поэтому говорящий не использует риторические конструкции. Суицидальный *что*-вопрос формулируется 1) как делиберативный: *Почему я не кончаю с собой? Если бы я точно знал, почему, то больше не задавал бы вопросов*; 2) как прямой информативный (адресован участникам речевого акта): *Вы никогда не задумывались на тем, как просто убить человека? Несколько граммов свинца, ничтожная порция яда - и жизнь оборвана*.

Система Интернета часто делает невозможным получение автором текста информации на задаваемый вопрос извне. Поскольку тексты в данном случае не принадлежат формату чата, автор *что*-вопроса остается без ответа. Однако можно предположить, что адресат все же рефлексировал в форме внутренней ответной реакции. Такая рефлексия будет опасной, если автор суицидального текста не отвергает самоубийство как деструктивный акт, а наоборот, рекламирует его. Вопрос, по своей сути, оказывается катализатором действия; дополнительно этому же способствуют императив и оценка. Последняя заключена уже в самом акте вопроса, поскольку говорящий оформляет в нём тот запрос, который так или иначе для него важен.

В общем, проведённое исследование показало, что суицидальная тема, выбранная в качестве основной в том или ином тексте, в определённой мере предсказывает наличие целеустановки автора повлиять на мировоззрение адресата. Она, в свою очередь, активировала в соответствующих интернет-текстах работу обозначенных параметров языкового воздействия, опасность которых обусловлена, во-первых, комплексной работой соответствующих языковых средств в одном текстовом файле, во-вторых, сочетанием параметров прямого и косвенного воздействия с тактикой коммуникативного сближения.

Косвенное воздействие на адресата осуществляется путём особенной подачи специфического содержания и базируется на семантике высказывания (обыденно, детально, комично о суициде), поддержанной разнообразными лексическими средствами авторской оценки. Прямое воздействие предполагает использование коммуникативного потенциала

текста через установление псевдиалога между коммуникантами, использование императива и риторических средств.

В **заключении** подведены итоги работы, перечислены выводы, к которым автор пришёл в ходе исследования. Кроме того, здесь намечены научные перспективы, обусловленные социальной природой изученной проблемы.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

в издании, рекомендованном ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук:

1) Новикова А.П. Вопросно-ответный комплекс как элемент категории диалогичности (на примере интернет-текстов суицидальной тематики) // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – №1. – С. 215-219;

в прочих изданиях:

2) Новикова А.П. Жанр рецепта в текстовых интернет-файлах суицидальной тематики // Вопросы филологических наук.– 2007.– №6. – С. 53-57;

3) Новикова А.П. Категория оценки в русскоязычных интернет-текстах суицидальной тематики // Современная филология: теория и практика: Сб. материалов II Междунар. науч. конф. – Красноярск: Изд-во СФУ, 2007. – С. 102-105;

4) Новикова А.П. Категория оценки в сознании одарённых детей на уроках русского языка и литературы // Проблемы управления качеством образования в современном образовательном процессе: Сб. науч. ст. – Черкесск: Полиглот, 2007. – С. 45-46;

5) Новикова А.П. Рекламный компонент в интернет-текстах суицидальной тематики // Язык. Дикурс. Текст: Материалы III Международной конференции. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007. – С. 197-200;

6) Маланчук И.Г., Новикова А.П., Осетрова Е.В. Речевой портрет суицидента. Часть I // Научно-методический вестник. Вып. 4. – Красноярск: РИО КГПУ, 2003. – С. 147-175;

7) Маланчук И.Г., Новикова А.П., Осетрова Е.В. Речевой портрет суицидента. Часть II // Научно-методический вестник. Вып. 5. – Красноярск: РИО КГПУ; М., 2004. – С. 189-213;

8) Новикова А.П. Русскоязычные интернет-тексты суицидальной тематики: модус и прагматика // Понимание в коммуникации. 2007: Язык. Человек. Концепция. Тезисы докладов междунар. науч. конф. (28 февраля – 1 марта 2007 г.). – М.: НИВЦ МГУ, 2007. – С. 93-95;

9) Новикова А.П. Русскоязычные интернет-тексты суицидальной тематики: модус и прагматика // Мир русского слова и русское слово в мире: Материалы XI Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. – Варна: HERON PRESS, 2007. – С. 446-452.